«ГОРЬКОВСКИЙ РАБОЧИЙ»

НЕЗАКОНЧЕННЫЙ ПОРТРЕТ

В Волго-Вятском книжном издательстве вышла необычная книжка. На обложке: «Нил Бирюков. — Театр. Поэзия. Жизнь», составление и подготовка текстов В. К. Кумакшева (Горький, 1983 г.). В книге рассказывается об интереснейшем горьковском литераторе Ниле Григорьевиче Бирюкове (1907—1979), своеобразном феномене исторического служения родной литературе, нашей Горьковской писательской организации, — человеке чести и глубокого бескорыстия. Светлое имя русского литератора как нельзя лучше ему подходит.

В книге — избранные стихи и драматургические произведения Н. Бирюкова и воспоминания о нем горьковских и вировских литераторов. Во вступительной статье С. А. Фиха — литературная биография поэта и общая оценка его главных произведений.

Пафос книги — благодарная память, попытка построить своего рода мемориал в честь ушедшего от нас талантливое писателя. Товарищи рассказывают о его высоких человеческих качествах, о трудах и заботах, о литературной молодежи, о том, как он любил искусство и жил им, горячо и преданно, часто забывая о себе. Исполненные любви и уважения строки этих воспоминаний своим душевным теплом как бы сами по себе рисуют достойный облик поэта и человека.

Однако в этой искренней, доброй, хорошей книжке все-таки еще мало серьезных попыток по существу оценить литературное наследие Н. Г. Бирюкова. А оно многосторонне и интересно, хотя, вероятно, далеко не полностью собрано (известны беспечное отношение поэта к своим трудам и его предельная скромность). Главную часть этого наследия составляют оперные либретто (в рассматриваемой книге помещены два из них — к опере А. А. Касьянова «Степан Разин» и к ненаписанной опере «Погибель Мамаева»).

Всего было девять оперных и три балетных либретто; только пять из них увидели свет, остальные остались в рукописи. Но ведь это же стихи, обладающие немалыми художественными достоинствами! Отзыви музыковедов, например, о либретто к опере «Аскольдова могила» Верстовского и к операм зарубежных авторов «Фиделио» Ветховена, «Галька» Монюшко, «Самсон и Далила» Сен-Санса, «Питер Граймс» Бриттена, созданных заново в русском варианте Н. Бирюковым, были самые хвалебные. Но известно, что многие музыканты поэзию, по укorenившемуся с незапамятных времен предассудку, принимают утилитарно — с точки зрения ответственности, и только. Между тем без анализа их поэтического плана нельзя себе представить всестороннюю оценку произведений оперного искусства.

В рассматриваемой книжке только С. Фих во вступительной статье сделал удачную попытку определить драматургические и поэтические достоинства либретто

Бирюкова, но все еще как-то стеснительно и осторожно. А поговорить здесь есть о чем. Сколько было снисходительных замечаний по поводу подражательности, «есенинского» строя стихов Бирюкова в «Степане Разине!» Но ведь ничего же общего! Сказочная форма и ее ступо индивидуальное поэтиче-

Книги наших земляков

ское переосмысление; разве что отдельные отголоски С. Городецкого и А. Ширяева — но не Есенина!

В белом стихе либретто «Погибели Мамаевой» — совершенно самобытная стихия: слово «летит и достигает, и доскажет, куда ты метил, в набат ударит, в душу живую русскую, не потерявшуюся...»; «солнце, на вечер повернувшее, снуют медово-пчелы, тишина смолой душистой напоена, и сосны шумят...»; «через скорби, через плач, но наше, наше одоление...». Благодатнейший материал — пронизанное музыкой народных сказов и плачей поэтическое слово, отражающее старину и в то же время тесно связанное с современным народным сознанием. Поэт-то — не маленький!

Авторы воспоминаний — поэты были, пожалуй, чересчур скромны в оценке лирики Н. Бирюкова — очень зрелой, литературно точной и душевной. Вот Ю. Адрианов процитировал прекрасные строки стихотворения «За островом долгим», восхитился...

А почему бы не рассмотреть для читателя секрет поэтического волшебства? Не все ведь умеют читать стихи, и красота иной раз не доходит до своего адресата — народной души...

В сборнике помещено всего тридцать лирических стихотворений. Выбор их умный, удачный (заслуга составителя сборника поэта В. Кумакшева): представлены разные жанры и формы, в последовательном развитии, и по-новому воспринимаются даже давно знакомые из них.

Вот стихи 30-х годов, которые позднее воспринимались как апитки «под Маяковского». Но в воспоминаниях В. Пильника обнаруживается их истинное назначение: Нил Григорьевич в молодости работал писнервожатым и стихи эти писал как песни для пионерских сборов и костров. И подражание Маяковскому — лишь внешне: другая интонация, а главное — мелодическая стихия.

И еще, что мудро отметил Пильник, — зацепка для будущих исследователей творчества Бирюкова: интернациональная природа стиха, чему помогали, кстати, высокая образованность поэта, природное чувство стиля, умение улавливать самое характерное в народном языке, в фольклоре разных стран, что так пленяло в свое время в «самом культурном поэте на Руси» (М. Горький)

Валерии Брюсове. Говорят, нельзя сравнивать. А почему же, собственно? Речь идет об одном определенном свойстве творчества — не обо всем же объеме значения того или иного поэта! Все боимся переухвалить, замолкаем на полуслове. Не напрасно ли?..

Упомянутое же свойство Н. Бирюкова прекрасно помогало ему как переводчику (например, в работе с мариинскими поэтами) и как автору оригинальных стихов. Отсюда особенно веское впечатление от каждого из наудачу взятых стихов лирической подборки.

Удалой размах в «Лирическом монологе», баюкающая нежность «Кольбельной» (музыка в душе и в строке), «испанские» стихи в духе гордого романсера («Перекресток двух сестер», «Розита»), напоминающие народные песни и ритмы Лорки, стихи о любви — «Ходят девочки дорожкой» — как у Исаковского, но у того нет такого страстного «соловиного безумства» — свое, свое, особенное...

Если головы не потеряешь, Может быть, и счастья не найдешь...

А пейзажи! Тонкая словесная живопись в стихах «С откоса», «И вспомним все, чем были мы богаты», «И опять тиха округа», «Снег по зорям нежно розов», «За островом долгим...»

И прекрасные аллитерации оперных хоров («Песня Ольгеровичей» из «Погибели») и шуточных стихов, и беззаботный оптимизм большой для многих «темы ухода».

Утром молодым Над землей засинеет Горьковатый дым... И останутся на свете За меня стихи... («Мне в окно бормочут ветви»).

Интересны и жанровые нововления (например «Баллада о трех ставках»).

И вообще остается пожалеть, что поэт сознательно ограничивал лирические порывы души — оставил нам так много по сути и так мало количественно.

Воспоминания о поэте — разного характера: есть, например, глубокие по смыслу стихи Бориса Пильника «Вспоминаю Нила Григорьевича» и рядом в прозе — лишь несколько крупночек метких наблюдений о творчестве ушедшего друга, больше — бытовые мелочи, теплые, добрые, но мелочи все-таки. Здесь впечатления — самые пестрые; так и в других мемуарных заметках.

Свое назначение в первом приближении сборник, конечно, выполнил; перед нами белло, графически очерченный образ наставника литературной молодежи, писателя животворной горьковской традиции, в творчестве которого особым образом соединились литература и музыка. Но столько не сказано, что не покидает беспокойство. Как о зарытом в землю кладе. Пора доставать! Живописный портрет писателя должен появиться. Человек и поэт, Нил Бирюков стоит большой памяти — для новых поколений советских литераторов, особенно горьковчан.

А. АЛЕКСЕЕВА.